

Мелина Боярова

ДОЧЕРИ ГНЕВА

Печать ненависти

Боярова Мелина

Дочери Гнева. Печать ненависти

«Литнет»

2025

Мелина Б.

Дочери Гнева. Печать ненависти / Б. Мелина — «Литнет», 2025

Путешествие в дикие земли открыло правду о моем рождении. И теперь для всей нашей команды нет пути назад. Не я первой начала эту войну. Князь Радомир приказал меня уничтожить вместе с теми, кто встанет на мою сторону. Теперь наш путь лежит в Казакоградское городище, к родичам по линии матери. Но им нет дела до беглой сироты. За льстивыми улыбками скрывается яд, их сердца ожесточились от ненависти, а любовь измеряется долгом. Я по-прежнему могу рассчитывать только на себя и на тех, кто занял место в моем сердце. Мне предстоит доказать, что я — настоящая наследница княжеского рода и отомстить за гибель родителей.***Цикл «Дочери гнева»: 1. Пробуждения ярости - 2. Шепот злобы 3. Печать ненависти - заключительная часть

© Мелина Б., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	22
Глава 10	24
Глава 11	27
Глава 12	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глава 1

Цикл "Дочери гнева":

1. Пробуждения ярости - <https://litnet.com/shrt/bXYk>
2. Шепот злобы
3. Печать ненависти - заключительная часть

Тишина, повисшая над поляной после моего рассказа, казалась плотной и тягучей, словно смола. Даже ветер перестал шелестеть в кронах, будто сам лес затаил дыхание в ожидании развязки. Я смотрела в глаза Креслава, пытаюсь найти в них хотя бы искру понимания, но наткнулась лишь на холодную стену отчуждения воина, привыкшего верить фактам.

— Красивая история, — наконец произнес он сухим трескучим голосом. — Жалостливая. О самопожертвовании и чудесном спасении. Любой бард в городище отсыпал бы тебе горсть медяков за такую сказку.

Чаростраж шагнул ко мне, его рука привычно легла на эфес меча. Аура мужчины полыхнула стальным оттенком скепсиса, смешанного с досадой. Он хотел верить, я видела это по дрожанию силовых линий вокруг его головы, но долг и приказ не позволяли ему принять на веру слова девчонки, которую еще вчера считали врагом.

— Где доказательства, Гаяна? — жестко спросил он. — Видения — это дым. Морок, который мог наслать гревень, или твоя собственная испуганная фантазия. Может, ты и правда видишь это в своей голове, но для князя Радомира, да и для меня, это не аргумент. Где гарантия, что ты не выдумала все это, чтобы спасти свою шкуру?

Я растерянно оглянулась на деда. Тихомир молчал, опираясь на посох с отрешенным видом. Он знал правду, но его слова для княжеских слуг весили не больше сухих листьев. Лютобор молчал, хотя в его напряженном взгляде читался тот же вопрос. Он сделал все, что мог, приведя нас сюда. Теперь ход был за мной.

Мне требовалось нечто материальное. Нечто такое, что нельзя списать на игру воображения или чары Изнанки.

Я медленно повернулась к гревню. Древний гигант возвышался надо мной, подавляя величием. Его кора, похожая на застывшие потоки лавы, казалась непробиваемой броней. Но я помнила то ощущение тепла и защиты, которое испытала в видении. Помнила, как его корни обнимали меня и слегка покачивали, как в колыбели. Гревень — не просто ожившее дерево, а хранитель памяти. И мой прародитель в каком-то смысле.

«Помоги мне», — мысленно позвала я, касаясь ладонью шершавого ствола. — «Ты спас меня однажды. Принял жертву моей матери. Пусть она не будет напрасной. Они не верят мне. Требуют подтверждение. Прошу тебя, великий гревень, дай мне знак. Покажи им, что я — та самая кровь, которую ты сберег».

Ответа не последовало. Лишь глухой гул где-то глубоко под землей, похожий на движение литосферных плит. Я закрыла глаза, концентрируюсь на том чувстве родства, которое испытала, когда корни оплели меня минуту назад. Я не просила чудо ради власти. Я просила справедливости.

«Они убьют меня, если не поверят», — послала я импульс, вложив в него весь свой страх, который прятался глубоко внутри. — «И тогда дар хранителя исчезнет из этого мира. Изнанка победит».

Дерево дрогнуло.

Земля под ногами завибрировала, заставив чаростражей отступить на несколько шагов назад. Креслав выхватил меч, воины последовали его примеру, ошестинившись клинками про-

тив неподвижного исполина. Андреас и Славен тут же встали рядом со мной, готовые защищать от любой угрозы, но я жестом остановила их.

— Тихо, — прошептала я. — Он слышит. Отзывается на мою просьбу.

Среди переплетения мощных корней, у самого основания ствола, началось движение. Древесина застонала, расходясь в стороны, словно раскрывающаяся пасть диковинного зверя. Из темной, пахнувшей сыростью и вечностью расщелины показался тонкий корневой отросток. Он двигался плавно, почти нежно, и не так агрессивно, как те корни, что поглотили Велиславу в моем видении.

Отросток вытянулся ко мне, и на его кончике, словно на подносе, лежало что-то маленькое, блестящее в лучах восходящего солнца.

Я протянула руку. Корень аккуратно уронил предмет мне в ладонь и тут же втянулся обратно в недра дерева. Расщелина сомкнулась, оставив на коре лишь едва заметный шрам.

На моей ладони лежал тяжелый золотой перстень. Он был велик для женской руки — явно мужской. Массивный, с крупным рубином, в глубине которого, казалось, плясало живое пламя. Золотая вязь, оплетающая камень, формировала княжеский герб: сокол, взлетающий сквозь пламя. Камень сиял, сверкая алыми искрами, а по ладони растекалось приятное тепло.

— Что это? — настороженно спросил Креслав, не опуская меча.

Я молча протянула ему руку, позволяя рассмотреть находку. Сердце колотилось где-то в горле. Я никогда не видела этого кольца, но интуиция подсказывала, что гревень предоставил то самое доказательство, которое поставит точку в споре жизни и смерти.

Креслав приблизился с опаской, словно я держала ядовитую змею. Он бросил быстрый взгляд на мою ладонь, и его глаза расширились. Лицо, обычно бесстрастное и суровое, побелело, а шрам на щеке налился кровью.

— Не может быть! — выдохнул он изумленно. — Огненный сокол...

Лютотор, стоявший чуть поодаль, резко шагнул вперед. Он бесцеремонно схватил мою руку и поднес перстень к глазам. Его всегда холодная аура полыхнула таким удивлением и узнаванием, что меня обдало волной жара.

— Это личная печать князя Добромира, — произнес наставник глухим, но твердым голосом, в котором звенела сталь окончательного приговора. — Он не снимал ее даже во сне. Перстень считался утерянным вместе с князем пятнадцать лет назад. Никакие чары не смогли бы подделать печать рода Аракчеевых так, чтобы она отозвалась теплом на родственную кровь.

Лют отпустил мою руку и посмотрел на меня. Впервые за все время нашего знакомства в его взгляде не было ни оценки, ни подозрения, ни учительской строгости.

— Княгиня Велислава забрала его у мужа или он сам отдал печать перед отъездом, — пробормотал Тихомир, подтверждая догадки. — Чтобы сохранить для наследника.

Креслав медленно вложил меч в ножны. Лязг стали прозвучал неестественно громко в лесной тишине. Чаростраж смотрел на меня так, словно в его голове рушилась картина мира, где я была угрозой, и выстраивалась новая, где я оказалась той, кого он клялся защищать ценой жизни.

Внезапно он опустился на одно колено. Тяжелые доспехи глухо звякнули о землю, поросшую мхом. Он склонил голову, прижимая кулак к сердцу — жест высшей покорности и верности.

— Я, Креслав, сотник княжеской дружины, признаю в тебе кровь Властителей, — его голос звучал торжественно и хрипло. — Прости мне мою слепоту, княжна Гаяна. Мой меч — твой меч. Моя жизнь — твоя жизнь. Отныне и до последнего вдоха.

Следом за ним, плавно и с достоинством, опустился на колено Лютотор. Он не произнес клятвы вслух, но его взгляд говорил громче любых слов. Он нашел то, что искал. Он выполнил свой истинный долг перед памятью Добромира.

Позади меня слышалось шуршание. Я обернулась и увидела, как Андреас, Славен и Ирия тоже опускаются на колени. В глазах Андреаса читалась гордость, смешанная с легкой грустью. Ирия плакала, не скрывая слез радости, а Славен смотрел на меня с благоговением, как на ожившую легенду.

Я стояла посреди древнего леса, сжимая в руке теплое золото отцовского кольца, и чувствовала себя бесконечно одинокой и одновременно наполненной силой. Я не просила этой власти. Я не искала трона. Но судьба, прописанная в корнях этого дерева, не оставила мне выбора.

Глава 2

— Встаньте, — тихо попросила я. — Пожалуйста. Мне не нужны слуги. Мне нужны соратники.

Креслав поднял голову, собираясь что-то ответить, но его слова потонули в яростном крике, раздавшемся со стороны тропы, ведущей к деревне.

— Предатели! Ироды! Измена!

Мы все резко обернулись. На краю поляны возник один из воинов — молодой парень по имени Рогволд, которого Креслав оставил в деревне. Видимо, любопытство или подозрительность заставили его покинуть пост и проследить за нами.

Он стоял метрах в пяти, с перекошенным от ненависти и фанатичного ужаса лицом. Рогволд явно пропустил момент, когда гревень передал мне кольцо. Деревья скрывали от него сам момент чуда. Но он прекрасно видел другое: его командир, сотник Креслав, и княжеский проверяющий Скуратов стоят на коленях перед «дикаркой», которую Радомир приказал уничтожить.

— Вы продали честь! — визжал Рогволд, брызжа слюной. Его аура была грязно-багровой, пульсирующей от слепой верности ложным идеалам. — Вы кланяетесь ведьме! Князь узнает! Я сам принесу ему ее голову!

Он выхватил меч и бросился в безумную атаку. Одиночка против опытных бойцов и чародеев. Но фанатизм часто граничит с безумием. Он бежал прямо на меня, замахнувшись клинком для удара. В глазах горело желание убить любой ценой.

— Стоять! — рявкнул Креслав, вскакивая с колен и вытаскивая меч, но он не успевал перехватить своего подчиненного.

Андреас вскинул руку, формируя огненный шар, Лютобор создал защитный купол, но он развеялся под действием древней силы. А Рогволд уже был рядом, подгоняемый адреналином.

Однако гревень оказался быстрее. Он не нуждался в заклинаниях и не терпел угроз на священной земле.

Земля под ногами бегущего воина вздыбилась. Корни, толстые, как удавы, и быстрые, как молнии, вырвались из почвы. Рогволд даже не успел вскрикнуть. Один корень обвился вокруг лодыжек, сбивая с ног с тошнотворным хрустом. Второй перехватил руку с мечом, сжимая ее с такой силой, что клинок выпал из ослабевших пальцев.

— Нет! — только и успел прохрипеть парень, прежде чем третий корень, самый толстый, обвился вокруг его торса, выжимая воздух из легких.

Гревень не стал убивать нарушителя на месте. Он утянул добычу вниз. Земля под Рогволдом разверзлась, превращаясь в жидкую грязь. Корни неумолимо тащили жертву в глубину, в черную пасть подземного мира, туда, где переплетались жизнь и смерть.

— Помогите! Командир! — его крик захлебнулся землей.

Мы стояли, оцепенев от ужаса, наблюдая, как тело исчезает под дерном. Сначала ноги, потом туловище, потом искаженное ужасом лицо. Еще мгновение — и над поверхностью осталась только рука, судорожно скребущая воздух, а потом исчезла и она.

Земля сомкнулась. Трава выпрямилась. Лес снова погрузился в тишину, нарушаемую лишь пением птиц, которые, казалось, вовсе не заметили, как живой человек стал удобрением для древних корней.

Я почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Тяжесть в груди стала невыносимой. Это была жестокая, первобытная сила, не знающая пощады. И эта сила защищала меня.

— Сварог всемилостивый... — прошептал Славен, лицо которого приобрело зеленоватый оттенок.

Креслав стоял, отрешенно глядя на то место, где исчез чароштраж. Его кулаки были сжаты до белизны костяшек.

Гревень сам вынес приговор предателю. И если бы у кого-то еще оставались сомнения в моей связи с этим местом, то теперь они развеялись самым кровавым образом.

— Уходим, — резко скомандовал Лютобор, нарушая оцепенение. — Здесь нам больше делать нечего. Гревень дал ответ. И он не потерпит чужаков дольше необходимого.

Я бросила последний взгляд на гигантское дерево. Мне показалось, или в шелесте его листы прозвучало что-то похожее на удовлетворенный вздох? Я поклонилась ему — низко, в пояс, благодаря за жизнь и за жуткий урок.

Мы покидали священную рощу в полном молчании. Никто не смел проронить ни слова. Каждый из нас понимал: мир, который мы знали, рухнул. Чароштражи возвращались в Тихомировку не отрядом карателей, а свитой наследницы, чье право на жизнь было подтверждено самой древней магией этого мира.

Я сжимала в кулаке перстень отца, и его металл жег ладонь. Теперь я знала, кто я. Но вместе с этим знанием на мои плечи легла тяжесть, сравнимая с весом могильной плиты. Князь Радомир не обрадуется моему возвращению. И теперь, когда за моей спиной стояла не только правда, но и древний ужас леса, наша встреча обещала стать началом конца прежнего порядка.

Обратный путь до Тихомировки мы проделали в гнетущем молчании, которое нарушалось лишь хрустом валежника под сапогами да тяжелым дыханием людей, только что заглянувших в бездну.

Лес, еще недавно казавшийся мне родным и приветливым, теперь ощущался иначе. В каждом шорохе листы мне чудился шепот гревня, а тени от сплетенных ветвей напоминали извивающиеся корни, утачившие Рогволда в ненасытное чрево земли.

Перстень отца я повесила на шнурок и спрятала за пазуху, подальше от любопытных глаз. Металл казался раскаленным, словно хранил в себе жар огненного дара Аракчеевых.

Я чувствовала, как менялись ауры моих спутников. Спесь и недоверие выветрились, уступив место растерянности и благоговейному страху. Даже Лютобор, привыкший контролировать каждый шаг и вздох, сейчас выглядел человеком, чей мир перевернулся с ног на голову.

— Что мы скажем остальным? — тихо спросил Андреас, поравнявшись со мной. Его голос звучал глухо, а во взгляде, брошенном на меня, читалась странная смесь заботы и отчуждения. Я больше не была просто «дикаркой» из леса. Между нами пролегла новая пропасть сословных различий, древней магии и пролитой крови.

— Правду, — отрезал Креслав, шагавший чуть впереди. Он не оборачивался, но его спина была прямой, как натянутая тетива. — Но не всю. О смерти Рогволда — ни слова, пока не окажемся за закрытыми дверями. Не стоит сеять панику среди людей раньше времени. Они верны присяге, но древний ужас леса может сломить даже самую крепкую волю.

Глава 3

Когда мы вышли на окраину деревни, солнце уже стояло высоко, заливая бревенчатые крыши безмятежным золотым светом. Контраст между мирной жизнью Тихомировки и тем мраком, что мы оставили в священной роще, резанул по глазам. Оставшиеся в дозоре чаростражи встретили нас настороженными взглядами, явно ожидая увидеть пленницу в кандалах, а не странную процессию, где их командир шел плечом к плечу с бывшими врагами.

Креслав отдал короткий приказ оставаться на постах и никого не впускать и не выпускать. Его тон не терпел возражений, и воины, привыкшие к дисциплине, лишь молча кивнули, хотя в их глазах застыли невысказанные вопросы: где Рогволд? Почему проверяющий Скуратов выглядит бледнее смерти?

Мы вошли в избу деда, и только когда тяжелая дверь захлопнулась, отрезая нас от внешнего мира, напряжение, сдерживаемое всю дорогу, прорвалось наружу.

Лютотор первым нарушил тишину. Он прошел к столу, снял перчатки и бросил их на лавку с такой силой, словно они жгли ему руки. Затем он повернулся к нам, и его обычно бесстрастное лицо исказила гримаса горького осознания.

— Мы в ловушке, — произнес он, и каждое слово падало в тишину тяжелым камнем. — Радомир не просто так отправил нас в Тихомировку. Он знал.

— Что знал? — переспросил Славен, прижимаясь спиной к печи. Парень все еще не мог отойти от увиденного в лесу.

— Он знал, что Гаяна — истинная наследница, — Лютотор начал мерить шагами тесную горницу. — Вспомните приказ: «Уничтожить угрозу». Не задержать, не привести для допроса, не разобраться. Уничтожить. Если бы князь действительно боялся пророчества о разрушении мира, он бы потребовал доказательств одержимости. Но он боялся не Изнанки. Он боялся претензий на трон.

Я достала перстень и положила его на грубый деревянный стол. Золото с рубином тускло блеснуло в полумраке избы. Огненный сокол, символ рода, казалось, насмехался над нашим бессилием.

— Это меняет все, — глухо проговорил Креслав, не сводя глаз с артефакта. — Если Радомир отдал приказ убить законную дочь своего брата, зная о ее происхождении — это не защита городища, а узурпация власти. Предательство крови.

— И мы теперь соучастники, — добавил Андреас, сжимая кулаки. — Или свидетели, которых нужно убрать. Вернуться в Донское городище сейчас — значит сунуть голову в пасть злыдню. Радомир не станет слушать наши оправдания. Ему не нужны живые доказательства его преступления. Как только мы подойдем к воротам, нас объявят одержимыми, предателями, пособниками Изнанки — кем угодно, лишь бы оправдать казнь.

Ирия испуганно всхлинула, прикрыв рот ладонью. Понимание того, что пути назад нет, накрыло нас ледяной волной. Мы были героями, спасшими город от малого разлома, а стали изгоями, на которых вот-вот объявят охоту.

— Но мы не можем просто сбежать! — воскликнул Креслав, ударив кулаком по ладони. В нем говорил воин, чья честь была задета. — У нас есть доказательства! Есть свидетели! Боярич Туманов, я, Лютотор Скуратов. Неужели слово стольких достойных мужей ничего не весит против страха одного узурпатора? Мы должны собрать верных людей. В гарнизоне многие помнят Добромира. Если мы предъявим перстень и расскажем правду...

— И кто нам поверит? — перебила чаростража. Мой голос прозвучал на удивление спокойно, хотя внутри все сжималось от страха. — Радомир запросто обвинит меня в том, что я украла перстень. Или что это подделка, созданная магией Изнанки. Он скажет, что я околдо-

вала вас всех «диким» даром. У него власть, войско и контроль над Советом. А у нас — старая легенда и кучка людей, которые только что нарушили прямой приказ князя.

Лютобор остановился и посмотрел на меня с неожиданным уважением.

— Она права, Креслав. Прямая конфронтация — самоубийство. Радомир не допустит, чтобы мы даже рта раскрыли на площади. Нас убьют еще на подступах к цитадели, списав все на несчастный случай или атаку гневов. К тому же... — он замялся, подбирая слова. — У нас нет войска. Твоих бойцов мало. Мы не продержится и часа против гвардии чароостражей Радомира.

Тихомир, который все это время сидел в углу, молча перебирая сушеные травы, вдруг поднял голову. Его глаза, обычно добрые и лучистые, сейчас напоминали два глубоких колодца мудрости.

— Вы забываете, чья кровь течет в Гаяне, помимо отцовской, — проскрипел он, и все взгляды обратились к старику. — Добромир дал ей имя и перстень, но жизнь ей подарила Велислава. Она родом из древнего рода Казариных.

Славен нахмурился, вспоминая уроки истории.

— Казарины? Это те, что правят в Казакоградском городище?

— Именно, — кивнул Тихомир. — Велислава — любимая дочь тамошнего правителя. Их род древен и могуч, почти как Аракчеевы. И у них с Радомиром старые счеты. Они так и не простили ему того, что Велислава «пропала» на его землях. Слухи ходили разные, и в Казакограде многие считали, что Радомир не уберег невестку намеренно.

В комнате повисла звенящая тишина. Идея, брошенная дедом, была простой, но удивительно логичной.

— Ритуал крови, — медленно произнес Андреас, и его лицо просветлело. — Если Радомир отказался его проводить, то родственники по материнской линии вправе провести собственную проверку. Кровь Казариных отзовется в Гаяне так же сильно, как и кровь Аракчеевых.

Лютобор задумчиво потер подбородок.

— Казакоград... Это далеко. Путь лежит через дикие земли, кишящие гневками. Но это наш единственный шанс. Там у Гаяны есть законная родня, которая не подчиняется приказам Радомира. Если мы доберемся до них и предъявим перстень, они не смогут отмахнуться. Для них появление живой внучки — не угроза, а возможность усилить влияние и потребовать ответов от Донского городища.

— Значит, решено, — Креслав выпрямился, принимая новую цель. — Мы не возвращаемся в Донское городище. Идем на восток. Но как быть с моими людьми? Я не могу просто сказать им, что мы дезертируем. Среди них есть те, кто верен Радомиру до фанатизма, как покойный Рогволд.

— Им не обязательно говорить все прямо сейчас, — ответил Лютобор, и в его голосе снова зазвучали нотки жесткого стратега. — Мы скажем, что получили новые сведения. Что угроза исходит не от Гаяны, а извне, и наш долг — идти по следу. А когда отойдем достаточно далеко от границ влияния Радомира, тогда и поставим перед выбором.

Глава 4

Я смотрела на карту, висевшую на стене избы — грубый рисунок углем на выделанной шкуре. Казакоград находился далеко, за грядой холмов и густыми лесами. Путь туда был опасен, но возвращение назад означало верную смерть.

— Я готова, — твердо сказала я, накрывая ладонью перстень. — Если в Казакограде остались те, кто еще помнит мою мать, мы их найдем. Я не хочу войны, но Радомир не оставил выбора. Чтобы выжить, мне придется стать той, кем он так боится меня видеть.

— Радомир не поверит в простое исчезновение, — глухо произнес Креслав, уперев тяжелые кулаки в столешницу. Его лицо в неверном свете лучины казалось высеченным из камня, а шрам на щеке пульсировал, выдавая внутреннее напряжение. — Он отправил меня с конкретным приказом: уничтожить и принести доказательство смерти. Если вернусь с пустыми руками или просто исчезну вместе с отрядом, он поймет, что мы предали его. Следующим шагом князь отправит новый отряд чароостражей. Не десяток, а сотню. Они перевернут каждый камень, сожгут каждую деревню на пути.

Тихомировка.

Я подняла глаза на деда. Он стоял у печи, спокойный и неподвижный, как вековой дуб, но я чувствовала, как сжалось его сердце. Деревня, приютившая меня, люди, ставшие семьей — все окажутся под ударом. Радомир не пощадит никого, чтобы выжечь даже память о «дикарке» и ее сообщниках.

— Мы не можем этого допустить, — твердо сказала я, чувствуя, как холодная решимость сковывает внутренности ледяным панцирем. — Я не позволю, чтобы из-за меня пострадали невинные. Если цена спасения — пепелище на месте моего дома, то я лучше сдамся сама.

— Не болтай ерунды! — резко оборвал Лютобор. Он стоял у окна, скрестив руки на груди, и наблюдал за улицей, где несли дозор верные Креславу люди. — С этого момента твоя жизнь тебе не принадлежит. Ты — носитель крови Аракчевых и Казариных. Ты — единственная надежда закрыть разломы. Сдаться — значит обречь на гибель не одну деревню, а все городище.

Наставник повернулся к нам, и в его глазах блеснул холодный огонь стратега, просчитывающего ходы наперед. В этот момент я увидела не жестокого проверяющего, а человека, готового пожертвовать фигурами ради победы в партии.

— Креслав прав, — продолжил Скуратов, чеканя каждое слово. — Князю необходимы доказательства. Или свидетели, чьи слова не вызовут подозрений. Мы предоставим их. Вернее, дадим ему легенду, в которую он захочет поверить, потому что она успокоит его страхи и потешит самолюбие.

— Какую легенду? — нахмурился Андреас, стоявший за моим плечом. Его теплое дыхание коснулось моей шеи, и это простое ощущение живого человека рядом придало мне сил.

— Легенду, в которой мы погибли, — Лютобор пожал плечами, словно говорил о погоде. — Я и Гаяна сгинули в лесу. Нападение высших гневов. Вулкары, а может, и кто-то страшнее, выбравшийся из глубин Изнанки. Тел не осталось — твари утащили или сожрали без остатка. Креслав вернется в Донское городище и доложит об этом. Он расскажет, как героически защищался, как погиб Рогволд и остальные воины.

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь треском лучины. Я представила, как мое имя вычеркивают из списков живых, как шепчутся за спиной, обсуждая бесславную кончину «дикого отродья».

— А мы? — тихо спросила Ирия, нервно теребя край передника. Ее глаза, полные слез, перебежали с меня на Лютобора.

— А вы, — жестко припечатал Лютобор, глядя прямо на целительницу и Славена, — вернетесь вместе с Креславом и подтвердите его слова. Вы будете плакать, скорбеть и рассказывать в Чародемии, какой ужасной смертью погибла ваша подруга и наставник.

— Нет! — воскликнул Славен, делая шаг вперед. Его лицо покраснело от возмущения. — Мы не бросим Гаяну! Мы команда! Мы прошли через катакомбы, сражались с встречниками и переругами! Мы пойдем с вами в Казакоград!

Лютобор медленно подошел к парню. Разница в росте и мощи была очевидна, но давил наставник не физической силой, а тяжестью авторитета и логики.

— Посмотри на карту, Славен, — голос Лютобора сделался тише, но от этого еще страшнее. — Путь до Казакограда лежит через дикие земли. Там нет куполов, а магический фон нестабилен настолько, что слабый чаровник сойдет с ума за пару дней или превратится в монстра. Гневы там не прячутся по подвалам — они хозяева тех лесов. Там бродят стаи, способные разорвать чаростража в полном доспехе.

Он перевел взгляд на Ирию, которая сжалась под его напором.

— Ты, Ирия, талантливый целитель, но твой резерв слишком мал. В первом же серьезном бою ты истощишься. А Славен только начал осваивать боевые чары. Вы оба станете обузой. В диких землях я не смогу защищать Гаяну и нянчиться с вами одновременно. Каждая секунда промедления, каждая лишняя остановка может стоить нам жизни.

Слова наставника резали по живому, но в глубине души я понимала, что он прав. Мою грудь сдавило знакомым чувством тяжести, реагируя на горечь расставания и страх за друзей. Я не могла подвергать их такой опасности. Но еще важнее было то, что предложил Лютобор дальше.

— К тому же, вы нужны мне живыми и в Городище, — продолжил наставник, смягчив тон. — Нам нужны глаза и уши в стане врага. Кто расскажет о планах Радомира? Кто будет искать союзников среди учеников, когда мы вернемся с армией Казакограда? Если мы все исчезнем, это вызовет подозрения. А если вернутся ученики, убитые горем, никто не усомнится в трагедии.

Славен опустил голову, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. Он понимал. С логикой не поспоришь.

— Мы будем вашим щитом здесь, — тихо проговорила Ирия, вытирая слезы. Она подошла ко мне и взяла за руки. Ее ладони были теплыми и дрожащими. — Я буду молиться Сварогу каждый день, чтобы вы дошли. И я буду слушать каждый шепот в чародемии. Никто не узнает правду от меня.

— Знаю, — я сжала ее пальцы в ответ, пытаясь передать ей свою уверенность, которой на самом деле было так мало. — Вы самые храбрые люди, которых я знаю. Возвращение в логово Радомира требует не меньшего мужества, чем поход через дикие земли.

— Значит, решено, — кивнул Креслав, принимая план. В его взгляде мелькнуло облегчение — ему не придется вести детей на верную смерть. — Выдвигаемся на рассвете. Я, мои люди, Ирия и Славен. Мы разыграем спектакль, достойный княжеских подмостков.

— А мы с Гаяной отправимся на восток, — подытожил наставник, снова склоняясь над картой. — Вдвоем сможем двигаться быстро и незаметно, избегая крупных стычек.

— Втроем, — раздался спокойный, но твердый голос, заставивший всех обернуться.

Глава 5

Андреас вышел из тени. Он стоял прямо, расправив плечи, и его аура полыхала ровным, устойчивым пламенем решимости. В его облике не было ни капли того высокомерного боярского сына, которого я встретила в начале обучения. Передо мной стоял воин, сделавший свой выбор.

Лютобор медленно выпрямился, и его глаза сузились.

— Нет, Андреас. Ты возвращаешься с отрядом. Твой отец — глава клана Тумановых. Твое исчезновение вызовет политический шторм, который нам сейчас не нужен. К тому же, Мстислав может стать ценным союзником, если ты начнешь обрабатывать его изнутри.

— Мой отец продаст меня Волконским при первой возможности, чтобы замять скандал, — холодно парировал Андреас. Он шагнул к столу, вставая между мной и Лютобором, словно отгораживая меня от всего мира. — Я не вернусь в городище. Не хочу жить во лжи и смотреть, как Заряна празднует победу. Я дал клятву, наставник. И я давал ее не Радомиру, и не отцу.

— Глупости! — рявкнул Лютобор. — Ты еще не Пробужденный. Твой контроль нестабилен. В диких землях твой гнев станет приманкой для тварей. Ты подвергнешь Гаяну риску!

— А кто прикроет ей спину, когда вы будете заняты ритуалами или переговорами? — Андреас не отступил ни на шаг. Его голос звенел от напряжения, но в нем не было истерики. — У вас, наставник, мощь и знания. Но у меня есть меч и щит. И я готов умереть за Гаяну. Вы готовы пожертвовать ею ради «высшего блага», если ситуация потребует. Я видел это в ваших глазах. А я — нет.

Эти слова повисли в воздухе, тяжелые и правдивые. Я вздрогнула. Андреас озвучил то, что я сама боялась признать: верность Лютобора принадлежала великой цели, а не мне лично. Андреас же был верен мне.

— Я не оставлю ее, — повторил Туманов, и его рука легла на эфес меча. — Вы можете заставить меня силой. Но тогда вам придется убить меня здесь и сейчас. Потому что я пойду за ней следом, даже если мне придется ползти.

Я смотрела на него, и сердце отбивало бешеный ритм. В груди разливался жар, не имеющий ничего общего с чарами. Это было чувство глубокой, пронзительной благодарности и чего-то большего, чему я пока не могла подобрать названия. Он отказывался от всего — богатства, статуса, безопасности — ради того, чтобы идти со мной в неизвестность.

Лютобор переводил взгляд с Андреаса на меня. Он чувствовал невидимую нить, натянувшуюся между нами, и понимал, что сломать волю Туманова сейчас невозможно. А попытка сделать это лишит нас сильного бойца.

— Упрямый, как стадо баранов, — проворчал наконец Скуратов, но в его голосе я уловила нотки неохотного уважения. — Но в бою показал себя достойно. Твои щиты держали удар встречников.

Наставник тяжело вздохнул, признавая поражение в этом споре.

— Хорошо, Андреас, ты идешь с нами. Но если станешь обузой или выпустишь гнев из-под контроля, я сам тебя прикончу. Понятно?

— Предельно, — кивнул Андреас, и уголки его губ дрогнули в едва заметной улыбке.

— Тогда решено, — Креслав ударил ладонью по столу, ставя точку. — Мы разделимся здесь. Я с отрядом и младшими учениками пойду на запад, к тракту. Вы трое отправитесь на восток. Даю вам фору в полдня, прежде чем отправлю вестника к Радомиру с «печальной вестью».

Тихомир подошел ко мне. В его руках был небольшой кожаный мешочек, пахнущий полынью и зверобоем.

— Возьми, внучка, — он вложил оберег мне в ладонь. — Это скроет ваш след от поисковых артефактов, по крайней мере, на первое время. Лес будет хранить тебя, пока ты уважаешь его законы. Но помни: в диких землях люди бывают страшнее зверей.

Я обняла деда, вдыхая родной запах дома, который мне, возможно, больше не суждено увидеть. Прощание с Ирией и Славеном было коротким и болезненным. Мы не говорили громких слов, все читалось во взглядах. Славен сжал мою руку так, что хрустнули пальцы, и пообещал стать лучшим шпионом в чародемии. Ирия, глотая слезы, осенила нас знаменiem Сварога.

Когда дверь за ними закрылась, и мы остались вдвоем — я, Лютобор и Андреас — в избе стало пугающе тихо. Мы стояли на пороге новой жизни, отрезанные от прошлого ложью о собственной смерти.

— Собирайтесь, — скомандовал Лютобор, гася лучину. — Рассвет близко. А с ним начнется наш долгий путь в Казакоград. И да помогут нам древние боги, потому что живые от нас уже отвернулись.

Решение было принято. Мы становились изгнанниками, беглецами на собственной земле, но впервые перед нами стояла цель, которая не диктовалась чужой волей. Судьба, написанная в свитках пророчеств, начинала сбываться, но совсем не так, как ожидал князь Радомир. Он хотел уничтожить угрозу, но вместо этого собственными руками выковал клинок, который теперь направлен против него.

Нам предстоял долгий путь, и я знала, что он изменит нас навсегда. Сомнений не осталось — только дорога вперед, к неизвестным союзникам и забытому прошлому. И пока перстень с огненным соколом лежал на столе, обратного пути для нас не существовало. Теперь мы играли по-крупному, ставка в которой — судьба всего городища.

Глава 6

Я спрятала отцовский перстень под одеждой, поближе к сердцу, которое сжималось в тревоге от предстоящей разлуки и неизвестности. В избе пахло сушеными травами, зверобоем и дымом от прогоревшей лучины — запахами моего детства, которые я, возможно, вдыхала в последний раз. Вокруг царила суета сборов, но для меня время замедлило бег, позволяя запечатлеть в памяти каждую трещинку на бревенчатых стенах, каждый пучок душицы под потолком.

Опираясь на посох, ко мне неслышно подошел Тихомир. В его глазах сквозила печаль, которую он старательно скрывал за маской спокойствия.

— Пора идти, внучка, — прошелестел глухим голосом. — Нельзя медлить. Князь Радомир хитер, его ищейки могут быть ближе, чем мы думаем.

— Как же я не хочу никуда уходить, — слова вырвались сами собой, хотя разумом я понимала необходимость принятых решений. — Здесь мой дом.

— Но ты должна! Здесь больше не безопасно, — коснулся мозолистой ладонью моей головы, ласково погладил. — Ты найдешь новый дом там, где сможешь себя принять и защитить. Тихомировка — не место для княжеской дочери. Ты — река, Гаяна, а реку нельзя запирать в колодце. Она все равно разыщет путь к морю, даже если придется размывать берега или сточить камень.

Я посмотрела на деда, стараясь сохранить в памяти каждую черточку. В его лучистых глазах светилась безграничная вера и никакого страха перед будущим.

— Обещай, что сбережешь себя, — попросила, ощущая, как к горлу подкатывает комок. — Если княжеские чароштражи придут...

— Если даже они придут, то найдут лишь старика, оплакивающего погибшую воспитанницу, — перебил он мягко. — Лес сохранит нас и не даст в обиду. Не тревожься обо мне. Беспокойся лучше о том, чтобы твой огонь не погас в долгом пути. Мы еще встретимся, я знаю. Это так же верно, что солнце взойдет через час. Нити наших судеб переплелись крепко, а узлы до сих пор не развязаны.

Дед благословил меня, по-отечески коснувшись лбом моего лба. На секунду я ощутила, как его спокойствие перетекает в меня, выравнивая бешеный ритм сердца.

Затем настал черед прощаться с друзьями, которые за прошедший год стали мне невероятно дороги. Ирия взволнованно теребила край одежды. Ее глаза покраснели и припухли, но она держалась, кусая губы, чтобы не разрыдаться в голос.

Славен возвышался рядом с подругой, мрачный и насупленный, сжимая кулаки так, что белели костяшки. Он напоминал мне молодого бычка, готового броситься на невидимого врага, лишь бы не признавать своего бессилия.

— Послушайте меня внимательно, — я подошла к ним, стараясь, чтобы голос звучал твердо. Мне нужно было дать им цель, якорь, который удержит их на плаву в океане лжи, который мы собирались создать. — Вы не просто возвращаетесь в чародемию. Вы идете на войну, только ваше оружие — не чары, а молчание и слух.

— Мы не подведем, Гаяна, — всхлипнула Ирия, порывисто обнимая меня. Ее тело дрожало, и я ощутила влагу на своей щеке — ее слезы. Это было проявление чистой, незамутненной привязанности. — Я буду самой прилежной ученицей. Никто ничего не заподозрит.

— Именно, — я отстранилась и заглянула ей в лицо. — Учитесь. Сдайте экзамены. Перейдите на второй курс. Станьте лучшими. Радомиру нужны сильные чароштражи, и это сделает вас неприкосновенными. Ирия, твои целительские навыки будут нужны, когда мы вернемся. А мы вернемся, слышишь?

— Я буду ждать, — твердо сказал Славен, протягивая мне руку. Его рукопожатие было крепким, мужским. — И я буду слушать. Каждая сплетня в казарме, каждый шепоток на рынке — все запомню. Если кто-то в городище замыслит против вас дурное, вы узнаете первыми.

— Береги ее, — кивнула парню на Ирию. — И себя береги, Славен. Не лезь на рожон. Геройство сейчас ни к чему, нужна хитрость.

Пока я прощалась с друзьями, в другом углу избы шло иное совещание. Лютобор и Креслав склонились над картой, расстеленной на столе. Две склоненные головы — одна темноволосая, с проседью, другая русая, стриженная по-военному коротко.

— Одежду придется испортить, — голос Лютобора звучал сухо, по-деловому, словно он обсуждал закупку овса, а не инсценировку нашей смерти. — Сделайте надрезы, будто от когтей вулкана. Опалите края чарами. Крови возьмите у забитой скотины, смешайте с грязью. Никто не будет проводить алхимический анализ останков, если сцена будет выглядеть достаточно убедительно.

— Понял, — кивнул Креслав, проводя пальцем по маршруту их «отступления». — Мы скажем, что напали на гнездо в секторе Семь. Там болота, тела могло затянуть в трясину. Это объяснит, почему мы не принесли доказательств. Только обрывки одежды и личные вещи. Твой медальон, Лютобор?

— Держи! Скажешь, что нашел на месте «схватки», — Скуратов снял с шеи простой амулет на цепочке и бросил его на стол. Металл звякнул, ставя точку в его прошлой жизни. — Это убедит Радомира лучше любых слов. Он знает, что я никогда не расстанусь с этой вещью добровольно.

— А как реагировать на допросы? — уточнил сотник. — Князь наверняка пошлет разумников проверить наши воспоминания.

— Ты — опытный воин, Креслав. Знаешь, как ставить блоки. Но лучше всего работает полуправда. Вспомни страх, который ты испытал у гревня, гибель Рогволда. Используй эти эмоции. Когда будешь рассказывать о нашей гибели, проецируй этот ужас. Чародеи почувствуют подлинный страх и горечь потери. Они поверят чувствам, а не картинкам.

Креслав тяжело вздохнул и выпрямился, пряча кулон наставника в поясной кошель.

— Это безумие, Лют. Но я сделаю это. Ради памяти Добромира. И ради девчонки.

— Не ради нее, — холодно поправил Лютобор, надевая кожаные перчатки. — Ради порядка. Если Радомир сошел с ума от страха перед пророчеством, он погубит городище быстрее любого Всплеска. Мы просто восстанавливаем баланс.

Глава 7

Сборы были закончены. Мы вышли на крыльцо, когда небо на востоке только начало сереть, предвещая рассвет.

Андреас ждал нас у калитки. В дорожной куртке и простой одежде он умудрялся выглядеть благородно: прямая осанка, чуть вздернутый подбородок, рука лежит на эфесе фамильного меча. В его ауре я видела всполохи нетерпения и решимости, окрашенные в ярко-алые тона. Он жаждал действий и доказательств, что сделал правильный выбор.

— Готовы? — спросил он дрогнувшим голосом.

— Отправляемся! — отозвался Лютобор, закидывая за спину походный мешок. В его движениях не было ни лишней суеты, ни пафоса. Только экономная, отточенная годами практики эффективность. — Долгие проводы ни к чему.

Мы миновали границу деревни, оставляя за спиной теплые избы, дым печей и безопасность. Впереди лежали дикие земли — территория хаоса и древней магии.

Первые пару верст шли молча. Лес вокруг казался густым, мрачным, еще не проснувшимся. Деревья здесь росли иначе, чем в безопасных зонах: их стволы были перекручены, ветви сплетались в причудливые узлы, напоминающие конечности застывших в агонии великанов. Под ногами пружинил мох, скрывая коварные корни.

Андреас сразу же устремился вперед, занимая позицию ведущего. Я наблюдала за ним со спины, анализируя поведение. Боярич старался подражать Лютобору: так же поворачивал голову, сканируя кусты, так же пружинил шаг, готовый в любой момент отскочить или нанести удар. Но в его движениях было слишком много напряжения. Он не чувствовал лес, а боролся с ним, воспринимая каждый шорох как вызов.

— Чисто, — бросил он через плечо, проходя мимо густого кустарника бузины.

Я почувствовала, как от его фигуры исходит волна эмоционального тепла, стремление заботы и желания защитить. Рядом с Андреасом я оживала: сердце билось чаще, а дыхание перехватывало, словно бежала в гору. Это ощущение будоражило, заставляло кровь быстрее бежать по венам. Он был огнем — ярким, притягательным, но способным обжечь, если подойти слишком близко.

Лютобор шел замыкающим, двигаясь бесшумно, словно тень. Его аура была ровной, холодной и непроницаемой, как гладь замерзшего озера. Когда Андреас, увлекшись ролью лидера, чуть не свернул на звериную тропу, ведущую в топь, Лютобор не стал его одергивать окриком.

— Правее, Туманов, — тихо произнес наставник, даже не замедлив шага. — Если не хочешь купаться в болоте. Ветер тянет гнилью с той стороны.

Андреас замер, принялся и, видимо, уловив запах, о котором говорил Лют, молча скорректировал курс. Он стиснул зубы — я видела, как напряглись желваки на его скулах, — но спорить не стал.

Я перевела взгляд на спину Лютобора. Рядом с ним не было того волнующего жара, что исходил от Андреаса. Но рядом с ним было чувство абсолютной, непоколебимой безопасности. Словно я находилась за каменной стеной крепости. Я знала: что бы ни случилось, он будет знать, что делать. У него был план на случай нападения, план на случай отступления и еще три плана на случай, если первые два провалятся. Андреас хотел быть героем, чтобы спасти меня. Лютобор был палачом, который станет щитом, потому что так надо.

— Не напрягайся так, парень, — снова подал голос Скуратов, когда Андреас резко выхватил меч, среагировав на треск ветки. — Это всего лишь заяц-топотун. Побереги силы. Они тебе понадобятся, когда мы дойдем до реки.

— Я просто бдителен, — огрызнулся Андреас, возвращая клинок в ножны, но уши у него покраснели.

— Бдительность и паранойя — разные вещи, — спокойно парировал наставник. — Ты тратишь энергию впустую. Гнев внутри тебя кормится напряжением. Расслабь плечи. Слушай лес, а не пытайся перекрычать его своими мыслями.

Я шла между ними, находясь в эпицентре странного баланса сил. Юношеский пыл и опыт зрелости. Огонь и лед. Эмоция и расчет. Сейчас они оба были на моей стороне, но я не могла отделаться от мысли, что этот хрупкий союз держится лишь на общей опасности и моем присутствии. Дикие земли только начинали раскрывать свои объятия, и мне предстояло научиться доверять им обоим, но по-разному.

Лес вокруг сгущался. Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь густые кроны, создавая причудливую игру теней. Где-то вдалеке, за верхушками деревьев, послышался протяжный, тоскливый вой — первый привет от местных обитателей. Андреас вздрогнул, его рука снова потянулась к мечу. Лютобор лишь чуть прищурился, оценивая расстояние до источника звука.

— Далеко, — констатировал он. — Километров пять к северу. Стая переругов делит добычу. Нам не угрожают, пока ветер дует от нас.

Мы углублялись в неизвестность, шаг за шагом отдаляясь от всего, что я знала. Но странное дело — страх, который сковывал меня в деревне, начал отступать. Здесь, среди опасности, все становилось простым и понятным. Есть мы, есть цель, и есть путь, который нужно пройти. А с такими спутниками даже дикие земли казались не приговором, а всего лишь испытанием.

Глава 8

Рев реки мы слышали задолго до того, как лес расступился, обнажая выход к каньону. Горный поток внизу издавал такой утробный гул, что от него вибрировали мышцы и ныли зубы. Воздух сделался тяжелым, влажным, с отчетливым металлическим привкусом, словно кто-то пролил на раскаленную сковороду ведро крови. Деревья у кромки обрыва выглядели больными: их стволы почернели, а листва свернулась в сухие бурые кулачки, будто пытаясь защититься от испарений, поднимающихся снизу.

Мы вышли на каменистый выступ, и я невольно отступила, ощутив, как внутри все сжалось в тугую ледяной комок. Страх, древний и инстинктивный, перехватил дыхание.

Внизу, метрах в десяти под нами, бурлила густая, маслянистая субстанция цвета антрацита, кипящая тьмой. Она неслась с бешеной скоростью, закручиваясь в воронки, похожие на беззубые рты. От поверхности поднимался белесый пар, который не рассеивался ветром, а стелился над потоком.

Мост, который когда-то соединял берега, перестал существовать. От него остались лишь раскрошенные опоры, торчащие из черной жижи, как обломанные ребра гигантского скелета. Центральный пролет рухнул, оставив нас перед лицом непреодолимой преграды шириной в добрую сотню шагов.

— Пришли, — сухо констатировал Лютобор, останавливаясь у самого края.

Он снял перчатку и присел на корточки, подцепив пальцем комок грязи. Бросил его вниз. Грязь шлепнулась в поток и мгновенно зашипела, растворяясь без остатка.

— Темная взвесь, насыщенная эманациями Изнанки, — пояснил наставник, поднимаясь и вытирая руку о штанину. — И твари кишмя кишат. Упадешь туда — сожрут за пару минут. Вброд не переправиться.

Андреас подошел к обрыву, вглядываясь в противоположный берег. В его глазах плясали отблески азарта, смешанного с нетерпением. Он не видел в реке угрозы, лишь очередное препятствие, которое нужно преодолеть.

— Мы можем перепрыгнуть, — заявил он, поворачиваясь к нам. На его ладони вспыхнул и погас небольшой огненный шарик. — Я создам импульс, взрывную волну под ногами. Она подбросит нас, а Гаяна поддержит щитом в воздухе, чтобы смягчить приземление. Или я могу повалить вон ту сухую сосну, чтобы она легла мостом.

Лютобор медленно повернул голову к ученику, окидывая его тяжелым взглядом.

— Исключено.

— Почему? — вспыхнул Андреас, и его скулы окрасились румянцем. — Это быстро. Эффективно. Мы не потеряем время.

— Потому что магия здесь опасна, — отрезал Скуратов. — Посмотри на реку, Туманов. Внимательно. Видишь рябь, которая идет против течения? Это не водовороты, а твари, живущие в этой дряни. Они слепы, но чувствуют всплески чар за версту. Твой «импульс» станет для них сигналом к обеду. А взрыв дерева оповестит всю округу, что здесь подадут свежее мясо.

Андреас сжал кулаки, явно уязвленный тем, что его план отвергли. Он хотел возразить, но промолчал, отведя взгляд.

— Построим плот, — принял решение Лютобор, скидывая с плеч походный мешок. — Срубим сухостой. Свяжем веревками. Переправимся тихо, на шестах, используя течение, чтобы прибить нас к той косе ниже по течению. Никакой магии без крайней необходимости. Гаяна, ты вяжешь узлы. Мы рубим.

Работа началась в гнетущем молчании, нарушаемом лишь ритмичным стуком. Лютобор и Андреас орудовали мечами, используя их не по назначению, что явно коробило боярского сына. Я видела, как он морщится каждый раз, когда благородная сталь врубалась в жесткую,

пропитанную смолой древесину. Кошунство — использовать оружие, предназначенное для битв, как инструмент дровосека. Лютобор же работал размеренно, экономно, каждый его удар отделял ровную щепу. Он не тратил лишних сил, превратившись в машину по заготовке бревен.

Я сидела на валуне, распутывая моток крепкой пеньковой веревки, которую прихватил с собой наставник. Мои пальцы, привыкшие к перевязкам и сбору трав, ловко вязали «мертвые узлы» и «удавки», скрепляя бревна между собой. От древесины пахло скипидаром и чем-то кислым, больным. Я чувствовала напряжение, висящее между мужчинами. Оно было плотнее, чем туман над рекой. Андреас хотел действовать, применяя навыки чародея, а его заставили потеть и пачкать руки в смоле.

Вскоре плот был готов. Грубая, но надежная конструкция из шести толстых бревен, связанных поперечинами. Мы спустили его к воде по пологому склону, стараясь не шуметь. Черная жижа жаднолизнула дерево, и оно зашипело, но выдержало.

— На середину, — скомандовал Лютобор, первым ступая на зыбкую палубу. Он взял в руки длинный шест, вырезанный из молодого ясеня. — Гаяна, устраивайся в центре. Андреас — на корму, второй шест твой. Будешь отталкиваться от камней, не давая течению развернуть нас боком. И смотри в оба.

Мы отчалили.

Мощное течение сразу подхватило нас, и плот закрипел, жалуясь на нагрузку. Черная поверхность реки оказалась обманчивой — под ней чувствовалось мощное бурление. Шесты с глухим стуком упирались в дно, которое то исчезало в провалах, то вздымалось острыми рифами. Я сидела на корточках в центре, вцепившись в мокрые бревна, и старалась контролировать дыхание. Сердце колотилось где-то в горле. Ощущение опасности стало почти осязаемым, покалывающим кожу тысячей мелких иголок.

— Держи курс! — рявкнул Лютобор, налегая на шест, когда нас едва не закрутило в водоворот.

Андреас с трудом справлялся на корме — не хватало сноровки. Шест скользил по илистому дну, и пару раз его чуть не сбросило в кипящую тьму. Я видела капли пота на лбу боярича и побелевшие костяшки пальцев. Он старался изо всех сил, но природа диких земель не испытывала жалости к чужакам.

Внезапно вода вокруг нас вскипела.

Плот подбросило, словно щепку. Я едва удержалась, распластавшись на бревнах. Из черной глубины, разбрызгивая ядовитую пену, поднялось нечто: сгусток ожившей тины и плоти, бесформенный, склизкий, с десятком извивающихся отростков-щупалец. У твари не было глаз, только широкая пасть, усеянная рядами игловидных зубов, светящихся бледно-зеленым светом.

— Кривень водный! — крикнул Лютобор, перехватывая шест как копье. — Не чародействовать!

Но Андреас не послушал.

Глава 9

Страх и инстинктивное желание защитить взяли верх над приказом. Увидев монстра, нависшего над нами, он выпустил шест и вскинул руки. Я ощутила резкий скачок температуры — его гнев выплеснулся наружу огненным вихрем.

— Сдохни! — заорал он.

Сгусток пламени, яркий и ревущий, сорвался с его ладоней. Но плот качнуло. Андреас потерял равновесие, и огненный шар, вместо того чтобы испепелить тварь, ударил в воду в полуметре от нее. Раздался оглушительный взрыв пара. Облако горячего тумана накрыло нас, ослепляя. Магия не причинила вреда существу, живущему в пропитанной хаосом реке, а лишь разозлила его.

Мгновение.

Сквозь пелену пара просвистело мокрое щупальце, толщиной с мою руку. Оно обхватило Андреаса за пояс. Он даже не успел вскрикнуть, как его рывком дернуло к краю плота. Ноги заскользили по мокрым бревнам.

— Гаяна! — вскрикнул, побелев от ужаса.

Я вскинула руки, инстинктивно формируя щит и посылая волну спокойствия. Но щит разлетелся, а тварь на пару секунд замедлилась. Андреас завис над черной бездной. Тварь неумолимо тащила его в свою пасть.

Лютотор не тратил время на крики или чары. Он бросился к парню, отбрасывая шест и выхватывая меч. Сталь сверкнула смертоносным росчерком.

Удар.

Клинок опустился точно на щупальце, перерубив его в месте, где оно сжимало талию парня. Черная кровь брызнула фонтаном, с шипением капая на бревна. Кривень издал пронзительный визг, от которого заложило уши, затем отшатнулся, скрываясь под водой.

Андреас рухнул на плот, судорожно хватая ртом воздух. Обрубок щупальца все еще дергался на его поясе, истекая ядовитой слизью.

— Щит! — рявкнул Лютотор, не оборачиваясь. Он стоял на краю, широко расставив ноги, готовый к повторной атаке.

Андреас сконцентрировался, подавляя страх и рвущийся наружу гнев. Прозрачный купол накрыл плот, мерцая голубоватым светом. Вовремя. Из воды вырвались еще три щупальца, ударив по магической преграде с силой кузнечного молота. Щит загудел, пошел трещинами, но выдержал. Кислотные брызги стекали по его поверхности, не причиняя нам вреда.

Пользуясь заминкой твари, течение подхватило нас и понесло прочь от места схватки. Лютотор подхватил шест Андреаса, валявшийся на палубе, и с удвоенной силой начал толкать нас к берегу.

Через пять минут, показавшихся вечностью, днище плота скрежетнуло о прибрежные камни. Мы выбрались на скалистый берег, дрожащие и живые.

Тишина навалилась внезапно, оглушая после рева реки и визга монстра. Я лежала на спине, глядя в серое небо, и чувствовала, как адреналин медленно покидает кровь, оставляя взамен свинцовую усталость.

Первым поднялся Лютотор. Он подошел к Андреасу, который сидел, обхватив колени руками, и с ужасом смотрел на черную полосу ожога на куртке, где его касалось щупальце. Наставник грубо схватил ученика за подбородок, заставляя поднять голову.

— Я сказал: никакой магии, — голос Скуратова был тихим, но в нем звенела такая холодная ярость, что мне стало страшнее, чем во время боя. — Ты едва не убил нас всех. Твой огонь ослепил меня. Твой промах открыл нас для атаки. Если бы я замешкался хоть на секунду, ты бы уже переваривался в желудке кривеня.

Андреас дернулся, сбрасывая руку наставника. В его глазах стояли слезы унижения и злости.

— Я хотел помочь! Защитить Гаяну!

— Ты хотел покрасоваться, — безжалостно припечатал Лютобор, выпрямляясь. Он выглядел как древний идол войны — спокойный, жесткий и абсолютно правый. — Защита — это не яркие чароимпульсы и героические позы. Это результат. Ты создал хаос. Я устранил последствия.

Я села, отряхивая песок с ладоней. В груди разливалось странное чувство двойственности. Я смотрела на Андреаса, и мое сердце сжималось от жалости. Его аура пульсировала рваными багровыми сполохами стыда и обиды. Он искренне хотел спасти меня. Его порыв был чистым, но исполнение — катастрофическим.

Затем я перевела взгляд на Лютобора. Он уже отошел к плоту, проверяя крепления, словно ничего не произошло. Его аура оставалась ровной, стальной, без единого всплеска. Он не испытывал ни гордости за спасение, ни жалости к ученику. Он просто сделал работу. Эффективно. Быстро. Безжалостно.

Факты говорили сами за себя, выстраиваясь в моей голове в холодную логическую цепочку. Андреас действовал под влиянием эмоций и потерпел неудачу. Лютобор действовал под влиянием расчета и победил.

— Вставайте, — бросил наставник, закидывая мешок на плечо. — Здесь небезопасно. Запах крови привлечет других гневов. До заката нужно уйти от реки как можно дальше.

Андреас медленно поднялся, избегая встречаться со мной взглядом. Я видела, как он сжимает рукоять меча, словно ищет в нем поддержку. Уязвленная гордость — опасная рана, которая могла загноиться.

Я подошла и легко коснулась плеча, отчего парень вздрогнул.

— Спасибо, что попытался, — произнесла тихо, без тени насмешки. — Я знаю, ты хотел помочь.

Он кивнул, коротко и резко, и зашагал следом за Лютобором, стараясь держаться прямо, хотя я видела, что он прихрамывает. Я пошла замыкающей, чувствуя спиной холодное дыхание реки.

Дикие земли преподали первый урок, который научил, что благими намерениями здесь вымощена дорога в брюхо тварей. Выживает не тот, кто сильнее любит или ярче горит, а тот, кто умеет держать себя в руках, когда мир вокруг превращается в хаос.

Глава 10

Мы уходили от реки вглубь леса, стараясь как можно быстрее покинуть зону влияния черных вод. Земля под ногами была рыхлой, пропитанной влагой, и каждый шаг давался с трудом, словно сама почва пыталась удержать нас, оплетая лодыжки невидимыми пальцами. Лес вокруг изменился: деревья стали выше, их кроны сплелись в плотный, непроницаемый шатер, не пропускающий даже скудные лучи заходящего солнца. Здесь царил вечный полумрак, наполненный запахами прелой листвы, грибницы и той сладковатой гнилью, что всегда сопровождает медленное разложение.

Лютотор шел первым, задавая темп — быстрый, рваный, но удивительно бесшумный. Он двигался не как человек, продирающийся сквозь чащу, а как хищник, возвращающийся в свое логово. Я видела, как он постоянно сканирует пространство: поворот головы, мгновенная остановка, принюхивание к ветру. Его напряженная спина служила лучшим индикатором опасности, чем любой магический артефакт. Если наставник расслаблен — можно дышать. Если его мышцы каменеют — готовься к бою.

Андреас плелся в середине, и его состояние вызывало тревогу. Боярич выглядел бледным, под глазами залегли темные тени, а движения потеряли былую грацию, сделавшись дергаными и неуклюжими.

Стыд и пережитый ужас выкачали из него силы быстрее, чем любая физическая нагрузка. Он то и дело потирал бок, где ткань куртки прожгла слизь кривеня, но не жаловался на усталость. Его состояние выдавало только тяжелое, свистящее дыхание и хруст веток под ногами, заставляющее Лютотора морщиться, как от зубной боли.

— Привал, — скомандовал Скуратов, когда лес окончательно погрузился в сумерки.

Мы остановились у подножия гигантского, поваленного бурей ясеня. Его вывороченные корни образовали естественный навес, надежно укрытый с трех сторон зарослями колючего терновника.

Место наставник выбрал идеальное: защищенное от ветра, скрытое от посторонних глаз и, что важнее всего, расположенное на небольшом возвышении, что давало тактическое преимущество.

— Туманов, собери хворост. Только сухой, без гнили. И не отходи дальше десяти шагов, — приказ прозвучал сухо, без лишней злобы, но Андреас вздрогнул, словно от удара хлыстом.

— Я понял, наставник, — глухо отозвался он и, не поднимая глаз, скрылся в кустах.

Я наблюдала за бояричем, анализируя собственные ощущения. В груди, там, где обычно гнездилась тревога, сейчас было пусто и холодно. Жалость к парню смешивалась с раздражением.

Его импульсивность едва не стоила нам жизни, но я понимала природу этого порыва. Андреас пытался доказать свою значимость единственным доступным ему способом — силой. В мире, где он вырос, статус и мощь гарантировали выживания. Здесь же, в диких землях, они не стоили ломаного гроша.

Лютотор тем временем занялся обустройством лагеря. Он действовал скупой и расчетливый: расчистил площадку под корнями, набросал лапника для изоляции от холодной земли, вырыл небольшую ямку для костра. Я подошла к нему, намереваясь помочь, но он жестом остановил меня.

— Сядь. Проверь ноги. В этой сырости легко натереть мозоли, а завтра нам предстоит долгий переход. Хромой путник — мертвый путник.

Я послушно опустила на поваленный ствол, расшнуровывая ботинки. Его забота, пусть и выраженная в форме приказа, сбивала с толку. Еще неделю назад, в стенах чародемии, он

гонял меня по полигону до кровавых мушек перед глазами, не давая ни минуты передышки. Теперь же следил за моим состоянием с тщательностью, граничащей с одержимостью.

Вскоре вернулся Андреас с охапкой веток. Мы развели огонь — крошечный, почти невидимый со стороны, скрытый в углублении земли. Лютобор использовал особое плетение, заглушающее дым и свет, превращая костер в источник тепла, но не демаскирующий фактор. Пламя лизнуло сучья, отбрасывая на лица причудливые пляшущие тени. После Лют занялся установкой охранных чар, отпугивающих случайных тварей и поглощающих легкие выплески гнева.

Пужинали скромно: вяленое мясо, сухари и вода из фляг. Андреас ел механически, глядя в огонь остекленевшим взглядом. Он так и не снял перевязь с мечом, словно оружие было единственным, что удерживало его в реальности. Проглотив последний кусок, боярич откинулся спиной на корни ясеня и почти мгновенно провалился в сон. Его организм, истощенный стрессом и выбросом адреналина, просто выключился.

Мы остались вдвоем.

Тишина ночного леса была наполнена тысячей звуков: шорохом падающих листьев, скрипом старых стволов, далеким уханьем ночных птиц и едва слышным гулом, идущим из-под земли — дыханием Изнанки. Но рядом с Лютобором эти звуки не пугали. Они становились просто фоном, декорацией к нашему странному уединению.

Наставник достал из своего мешка сверток, развернул его и, к моему удивлению, протянул мне самый большой кусок вяленой оленины — темный, глянцевый, пахнущий пряностями.

— Ешь, — сказал он, заметив мое замешательство. — Тебе нужны белки. Твой метаболизм работает на пределе из-за постоянного контроля и использования дара.

— А ты? — спросила, не спеша принимать дар.

— Я привычный. Бери.

Я взяла мясо, случайно коснувшись его пальцев и ощутив тепло. Перемены в наставнике мне казались странными, неправильными, ломающими все шаблоны, которые я выстроила в своей голове за время обучения.

— Почему? — вопрос сорвался с губ прежде, чем успела побдумать.

Лютобор поднял на меня взгляд. В отсветах костра его лицо, обычно напоминавшее застывшую маску, казалось мягче. Глубокие морщины у глаз разгладились, а в жесткой линии рта появилось что-то человеческое, усталое.

— Что «почему», Гаяна?

— Почему ты так ведешь себя? Раньше ты был... другим. Ты заставлял меня ползти по грязи, когда я не могла встать. Ты говорил, что жалость убивает. А теперь отдаешь лучший кусок и беспокоишься о моих ногах. Что изменилось?

Он помолчал, вороша угли веткой. Искры взметнулись вверх и погасли, не долетев до сплетения корней.

— Ничего не изменилось, — наконец произнес он, и голос его прозвучал глухо, как удары земли о крышку гроба. — Я все еще считаю, что жалость убивает. Но есть разница между жалостью и сохранением ресурса.

— Я — ресурс? — уточнила, чувствуя, как внутри шевельнулась обида.

Но разум тут же проанализировал эту эмоцию: уязвленное самолюбие, не более. Он говорил на языке прагматики, на том единственном языке, который здесь имел значение.

— Ты — надежда, — поправил он, глядя мне прямо в глаза. Этот взгляд был тяжелым, пронзительным, лишенным привычного холода. — Раньше я готовил тебя к смерти. Думал, что ты — угроза, которую нужно либо сломать, либо уничтожить. Я тренировал тебя так, чтобы в решающий момент ты не дрогнула перед палачом. Или стала палачом сама.

Я перестала жевать, чувствуя, как кусок встал поперек горла. Его честность обезоруживала.

— А теперь? — тихо спросила я.

— А теперь я вижу, что ошибся. Ты не угроза, Гаяна. Ты — единственное, что стоит между этим миром и полным хаосом. Твой дар — не проклятие. Это инструмент такой тонкой настройки, о которой чаровники даже мечтать не могут.

Он кивнул в сторону спящего Андреаса.

— Посмотри на него. Он силен. Талантлив. Его резерв огромен. Но он раб эмоций. Гнев управляет им, а не он гневом. Сегодня на реке он хотел как лучше, но чуть не погубил нас всех, потому что позволил страху и желанию геройства затуманить разум. Ты же... — Лютобор сделал паузу, подбирая слова. — Ты осталась холодной. Твой щит был идеальным, а дар успокоения выверенным, четким. Ты не паниковала, не пыталась прыгнуть выше головы. Ты просто делала, что нужно.

— Я просто не чувствую страх так, как он.

— Не приbedняйся, — усмехнулся Лют, и эта мимолетная усмешка преобразила его лицо сильнее, чем любая магия. — Ты чувствуешь. Я видел твои глаза, когда ты прощалась с дедом. Видел, как дрожали руки после боя. Но ты умеешь запира́ть это внутри. Ты принимаешь эмоцию, обрабатываешь ее и откладываешь в сторону. Это качество делает тебя лучшим воином, чем любой из Пробужденных.

Глава 11

Его похвала была сухой, лишенной лести, но от нее внутри меня разлилось странное тепло. Это не было похоже на тот лихорадочный жар, что вызывало присутствие Андреаса. Нет, это было другое чувство. Спокойное. Фундаментальное. Как будто я стояла на краю пропасти, но знала, что за спиной у меня скала, которая не дрогнет и не осыплется.

Я посмотрела на его руки. Широкие ладони, покрытые шрамами, сбитые костяшки. Руки убийцы. Руки, которые сегодня перерубили щупальце монстра с хирургической точностью, спасая жизнь мальчишке, который его раздражал. Руки, которые сейчас протягивали мне еду.

Что я чувствовала к нему?

Я попыталась разобрать этот клубок ощущений, используя привычный анализ. Уважение? Безусловно. Он был профессионалом высшего класса, мастером выживания. Благодарность? Да, он спас меня от участи быть убитой по приказу Радомира. Доверие? Я знала, что он не ударит в спину. Но было что-то еще.

Это чувство напоминало гравитацию. Рядом с ним мир становился устойчивым. Его спокойствие гасило мою тревогу, его уверенность заполняла пустоту в моем невежестве. Андреас походил на ветер — порывистый, яркий, способный раздуть пожар. Лютобор был землей — тяжелой, иногда грязной, но надежной. И сейчас, в сердце Диких земель, мне нужна была земля под ногами, а не ветер в лицо.

— Спасибо, — сказала я, принимаясь за еду. — За то, что спас его. И за мясо.

Лютобор лишь коротко кивнул, возвращаясь к своему привычному бесстрастному состоянию. Маска снова опустилась, но теперь я знала, что под ней скрывается не бездушный механизм, а человек, несущий груз ответственности, который сломал бы любого другого.

— Ложись спать, — скомандовал он, подбрасывая в костер пару веток. — Я возьму первую стражу. Разбужу тебя через четыре часа. Туманова не трогай до рассвета, пусть восстанавливается. Завтра он нам понадобится вменяемым.

Я улеглась на лапник, завернувшись в плащ. Жесткие ветки кололи бок, земля дышала холодом, а где-то совсем близко завывала тварь, почуявшая запах живой плоти. Но страха не было. Я смотрела сквозь полуопущенные веки на широкую спину Лютобора, расположившегося у огня. Он сидел неподвижно, как изваяние, его силуэт четко вырисовывался на фоне мерцающих углей. Его меч лежал на коленях, готовый в любой момент покинуть ножны.

Закрывая глаза, я поймала себя на мысли, что впервые за долгое время чувствую себя в безопасности. Не потому, что опасности не было, а потому, что между мной и тьмой стоял надежный щит. И этого было достаточно.

Пробуждение было резким, лишенным той сладкой неги, что бывает дома в пуховой перине. Реальность диких земель ворвалась в сознание тычком жесткого носка сапога в мое бедро.

— Подъем, — голос Лютобора звучал так, словно он и не спал вовсе, а просто стоял над мной истуканом все эти четыре часа. — Твоя очередь на дежурство. Разбудишь меня через четыре часа.

Я поднялась, с трудом разлепляя глаза. Тело ныло после ночевки на жесткой земле. Ночи в диких землях прохладные, несмотря на дневную жару. Промозглая сырость пробирала до костей, заставляя зубы выбивать мелкую дробь. Я перебралась к костру, подкинув еще веток и вытянув руки над огнем, чтобы согреться.

Лют улегся на мое место и закрыл глаза, сделавшись неподвижным. Моментально уснул? Или же специально заставил себя отдыхать?

Смена выдалась спокойной, не считая жуткого воя тварей, рыскающих поблизости. К счастью, к нам они не подходили. Скорее всего, помог охранный контур.

Едва небо начало светлеть, как я тронула за плечо Лютобора. Он за четыре часа ни разу не изменил своего положения. Тело, должно быть, затекло, но наставник не показал виду. Он сразу открыл глаза и кивнул мне, давая понять, что проснулся. Поднявшись, отправился проверить охранный контур и заодно прогуляться до кустов. Я там уже побывала, справляя естественные надобности.

Андреас проснулся без побудки. Однако выглядел скверно: под глазами залегли глубокие синяки, кожа приобрела землистый оттенок, а движения были дергаными, лишенными привычной плавности. Он возился со своим рюкзаком, пытаясь затянуть ремни дрожащими пальцами. Встретившись со мной взглядом, тут же отвел глаза, будто стыдился самого факта своего существования после вчерашнего провала на реке.

— Держите, — Лютобор сунул мне и бояричу по куску черствой лепешки. — Жуйте на ходу. Здесь нельзя задерживаться. Ветер меняется, тянет сыростью из низин.

Завтрак получился скудным и безрадостным. Сухая лепешка царапала горло, вода из фляги отдавала тиной, но я заставляла себя глотать, понимая, что организму нужно топливо. Мы выдвинулись через пару минут, выстроившись в прежнем порядке: Лютобор в авангарде, Андреас в центре, я — замыкающей.

Лес вновь начал меняться. Деревья становились ниже, их стволы искривлялись, будто в судорогах, а подлесок исчез, уступив место влажному, пружинящему мху, из которого сочилась мутная вода при каждом шаге.

Мы спускались в низину.

Туман, стелящийся поначалу только у корней, поднимался выше, сгущаясь с каждым шагом. Плотный, молочно-белый, он совсем не походил на утренний пар, обычно стелящийся по-над рекой. Это был не тот легкий утренний пар, что бывает над рекой. Туман не рассеивался от наших движений, а будто бы обтекал нас, проникая под одежду. Видимость упала до десяти шагов, потом до пяти.

— Держаться вместе! — рявкнул Лютобор, но его голос прозвучал глухо, словно из бочки. — Не отходить ни на шаг. Андреас, положи руку мне на плечо! Гаяна, держись за Андреаса!

Я потянулась вперед, нащупывая куртку боярича, но пальцы схватили лишь пустоту. Туман сгустился мгновенно, отрезая меня от спутников белой стеной. Я сделала шаг, другой, пытаясь нагнать их, но вокруг простиралось лишь белесое марево.

— Андреас? Лютобор? — позвала я.

Собственный голос показался чужим, слабым писком тонущего котенка.

Ответа не было.

Я замерла, ощущая, как немеют пальчики на ногах, а грудь сковывает спазмом. Липкий, парализующий ужас поднимался из самых темных глубин подсознания. Туман не просто скрывал дорогу — он проникал в голову, опутывая эманациями Изнанки, скопившейся в низинах Диких земель.

Мир вокруг исчез: исчезли деревья, серое небо, земля под ногами. Я повисла в бесконечной, звенящей пустоте. Темнота и холод обступили со всех сторон.

Глава 12

Я почувствовала себя безумно одинокой. Это было мое личное проклятие, мой самый глубокий кошмар — остаться одной в чужом мире, где никто не понимает моего языка, моих чувств, моей сути. Я видела себя маленькой точкой в бесконечном вакууме, оторванной от всего живого. Лица Тихомира, Ирии, Славена стирались из памяти, превращаясь в серую пыль. Я забывала, кто я. Забывала тепло человеческого прикосновения. Оставалась только ледяная вечность одиночества.

Дыхание перехватило. Сердце забилося где-то в горле, гулко и больно.

«Это конец, — шептал вкрадчивый голос в голове. — Ты всегда была одна. Ты чужая везде. Ты умрешь здесь, и никто даже не вспомнит твоего имени».

Я зажмурилась, чувствуя, как по щекам текут слезы. Стеснение в груди стало невыносимым, мышцы превратились в камень. Комок в горле сдавил дыхание, на лбу проступили холодные капли пота. Никогда прежде я не осознавала, насколько мне сейчас страшно. Однако мозг продолжал работать и анализировать мое состояние, не взирая на опасность. Моя неспособность чувствовать сработала предохранителем и стала моим спасением. Я попыталась отделить физические проявления страха от своего «я».

«Это не мое, — пронеслось в сознании холодной искрой. — Навязанное. Этого не существует. Вокруг лишь иллюзия».

Кажется, помогло!

Я открыла глаза, всматриваясь в туман, как в ауру живого существа. Пустота никуда не делась, но теперь я видела ее структуру: сплетение тонких серых нитей магии, которые вибрировали, подстраиваясь под ритм моего сердца. Ментальный паразит. Туман питался нашими страхами, проецируя их обратно в усиленном виде.

Я закрыла глаза и сосредоточилась на точке покоя внутри себя — том самом «мертвом штиле», который пугал наставников в чарошколе. Я представила, как этот покой расширяется, выплескиваясь наружу ледяной волной. Не чары или дар хранителя, а ледяное спокойствие, чистое отрицание хаоса. Я не боролась с туманом, это невозможно. Но я отказывалась признавать его реальность.

— Нет, — выкрикнула в пустоту. — Тебя не существует!

Серые нити задрожали, как паутина на ветру, и лопнули. Иллюзия рассыпалась, как разбитое зеркало. Я снова стояла в лесу, по колено в белом тумане, но теперь он был просто паром, лишенным власти над моим разумом.

В следующий миг я услышала душераздирающий вопль:

— Нет! Гаяна! Не трогай ее! — на меня дохнуло эманациями животного ужаса. В про свете между стволами деревьев я увидела полыхающую багрянцем ауру Андреаса. — Убейте лучше меня! Я слаб! Я виноват!

Я бросилась на звук. Туман все еще клубился вокруг, но разлетался клочьями, стоило ему попасть в зону «мертвого штиля».

Андреас стоял на коленях в грязи в десяти шагах от меня. Его глаза были широко распахнуты, но смотрели в никуда, зрачки расширены до предела. Он размахивал мечом перед собой, отбиваясь от невидимых врагов, и по его лицу текли горячие слезы. Он видел не лес. Он видел, как я умираю.

— Прости меня! — взвыл он, срывая голос. — Я не смог! Не смог спасти.

Чуть дальше, у ствола поваленного дерева, застыл Лютобор. Он не кричал. Но стоял, опустив меч, и смотрел на свои пустые ладони. Его плечи, всегда расправленные, сейчас ссутулились под тяжестью непосильной ноши. Лицо наставника посерело, губы беззвучно шевелились.

— Я не успел... — донесся тихий шепот, страшнее любого крика. — Мария... Наш сын... Прости... Я должен был быть там...

Туман ударил по самому больному. Он показал Андреасу его несостоятельность как защитника, а Лютобору — какую-то трагедию прошлого, вину, которую он нес в себе годами.

Я подбежала к Андреасу, понимая, что боярич сейчас опаснее всего — он мог в припадке безумия рубануть мечом и попасть в меня или в себя. Я нырнула под замах его руки, перехватила запястье и резко дернула вниз, используя вес тела. Меч выпал из его ослабевших пальцев и шлепнулся в мох.

— Андреас! — схватила его за ворот куртки и встряхнула. — Смотри на меня! Я здесь! Я живая!

Он моргнул, фокусируя взгляд. Пелена ужаса в его глазах начала медленно рассеиваться, сменяясь узнаванием и недоверием. Он протянул дрожащую руку и коснулся моей щеки, словно проверяя, не призрак ли я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.